Мир в объятиях военно-промышленной лихорадки

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Доходы мировых компаний, производящих вооружение и предоставляющих военные услуги, стремительно растут. По итогам 2024 года они оказались на самом высоком уровне за последние четыре десятилетия. Нет сомнений, что в 2025 году глобальная милитаризация продолжит покорять все новые рекорды. Замкнутый круг милитаризации становится новой нормальностью в самых различных странах.

Содержание

1 Основные статистические находки
2 В 2025-м можно ждать новых рекордов
3 Замкнутый круг милитаризации

Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (SIPRI) обнародовал ежегодный доклад с показателями доходов ведущих мировых производителей вооружений. Точнее говоря, это даже не доклад, а база данных, в которой скрупулезно отслеживается статистическая динамика, и на ее основании составляется список из 100 ведущих компаний, производящих оружие и предоставляющих военные услуги. Стокгольмский институт ведет эту базу данных с 1989 года. Обновленная сейчас информация составлена по итогам 2024 года, то есть она пока не отражает политические решения и обусловленную ими статистику завершающегося 2025 года.

Сразу подчеркнем, что исследователи SIPRI работают лишь с официально доступными данными. В некоторых случаях, когда официальная статистика имеет явные пробелы, и с ней аналитикам приходится совершать некоторые манипуляции: что-то экстраполировать, а что-то логически додумывать. Разумеется, это сужает общую картину, так как по понятным причинам многие

данные в военно-промышленной сфере бережно хранятся вдали от публичных глаз. Однако даже эта «зауженная» статистика дает очень хорошее представление о глобальных военных тенденциях. Суть этих тенденций в последние годы однозначна – нарастающая повсеместно милитаризация.

Основные статистические находки

Главный вывод из полученных данных аналитики SIPRI сформулировали так: *«Глобальные доходы производителей вооружений резко возросли в 2024 году на фоне повышенного спроса из-за войн в Украине и в Газе, глобальной и региональной напряженности и растущих военных расходов. Впервые с 2018 года все пять крупнейших компаний-производителей вооружения увеличили свои доходы».*

> Более того, прошлогодние доходы ведущих мировых производителей вооружений и вовсе установили рекорд за все время сбора данных, то есть с 1989 года.

В целом доходы топ-100 производителей вооружений и поставщиков военных услуг выросли в сравнении с 2023 годом на 5,9% и достигли в абсолютном значении 679 млрд долл. США. К слову, за декаду – с 2015 по 2024 годы – их доходы увеличились на 26%. Основной вклад в рост 2024 года внесли компании, расположенные в Европе и США. Только в Азии и Океании военно-промышленные доходы по имеющейся официальной информации незначительно сократились, а в остальных регионах планеты они шли в гору.

Из топ-100 крупнейших компаний 39 были американскими. Их доходы (334 млрд долл. США) возросли на 3,8% в сравнении с предыдущим годом. 26 компаний в списке – европейские. Им удалось увеличить поступления сразу на 13% (до 151 млрд долл. США). Еще больше этот показатель вырос у двух попавших в топ российских компаний: на 23% до 31,2 млрд долл. США. При этом эксперты SIPRI отдельно подчеркивают, что они не имели доступа к информации по другим крупным производителям из России. На 14% и до 31 млрд долл. США подскочили доходы вошедших в список компаний на Ближнем Востоке. Таких оказалось девять – также крупнейший показатель за почти четыре десятилетия наблюдений.

Из Азии и Океании в рейтинге оказались 23 компании. Их доходы снизились на 1,2%, остановившись на отметке 130 млрд долл. США. Составители базы данных объясняют это 10%-ным сокращением доходов китайских компаний. Они считают,

что это результат ряда возбужденных коррупционных дел, из-за которых некоторые крупные военные заказы были отсрочены или даже отменены.

В топ-5 самых-самых мировых производителей вооружений и поставщиков военных услуг четыре американских и одна британская компании. В топ-10 – шесть американских, две китайские, одна британская и одна российская. Китайских представителей во всем топ-100 списке – семеро. Столько же британских. Из всех стран Европейского союза – 14. Опять же: это все по официально доступным для исследователей данным, которые наверняка не полностью отражают все реалии. Но картина в любом случае характерная и в целом ожидаемая.

В 2025-м можно ждать новых рекордов

Итак, уже в 2024 году мировой военно-промышленный комплекс показал некоторые исторические рекорды. Ключевой из них – самые высокие доходы топ-100 производителей за все время сбора Стокгольмским институтом соответствующих статистических данных. Нет необходимости лишний раз подчеркивать, что это не случайность, а серьезная долгосрочная тенденция. К сожалению, она естественна для имеющейся сегодня военно-политической обстановки на нашей планете.

Да и в целом эта тенденция органична для реалий трансформирующейся системы международных отношений. Когда на фоне все менее понятного действительного соотношения сил в мире и растущих амбиций многих государств занять более весомое место в глобальных делах происходит закономерная деградация институциональных основ прошлой системы. И таким же закономерным следствием этой деградации становится прогрессирующая ставка большинства государств на военную силу как на аргумент последней инстанции в международных делах.

> Поэтому с полной уверенностью можно прогнозировать, что по итогам 2025 года база данных SIPRI поставит новые рекорды.

И в перспективе, как минимум, нескольких лет такая динамика будет сохраняться в полном соответствии с олимпийским лозунгом «Citius, Altius, Fortius» («Быстрее, выше, сильнее»). На протяжении текущего года было принято сразу несколько громких политических решений, которые буквально цементируют эту тенденцию.

Пожалуй, самое заметное и характерное решение в этой области в уходящем году утвердили на саммите НАТО в Гааге. Напомним, что там евро-атлантические союзники договорились к 2035 году увеличить свои оборонные и смежные с оборонными расходы до 5% ВВП. Из них 3,5% должны будут покрывать развитие сил и средств, а еще 1,5% – создание и поддержание в необходимых кондициях важной для решения военных задач инфраструктуры.

Да, наращивание военных расходов стран-членов НАТО будет происходить не единомоментно, а постепенно в течение 10 лет. Где-то быстрее, а где-то медленнее. Но чтобы понимать масштаб этих изменений: в 2024 году средний уровень военных расходов в Североатлантическом альянсе составлял 2,2% ВВП. Аналитики все того же SIPRI посчитали, что именно такой рост вложений в оборонную сферу будет означать, например, для входящих в НАТО государств Европейского союза. Если к 2035 году они все действительно выполнят гаагские обязательства и поднимут военные и смежные расходы до 5% ВВП, то в абсолютных значениях это приведет к росту расходов за десятилетие почти в 4 раза: с 361,2 млрд долл. США до 1 трлн 348,6 млрд.

Судя по доминирующим сейчас в ЕС настроениям, сомневаться в достижении обозначенных ориентиров большинством его государств-членов не приходится. На уровне как брюссельских институтов, так и очень многих национальных правительств тема милитаризации и развития военно-промышленного комплекса стала доминантой. Устами руководства Евросоюз на официальном уровне дает себе 5 лет на подготовку к войне. Понятно, что воевать в ЕС, как и во всем мире, хотят не многие, а за подобной риторикой скрывается старая максима «хочешь мира – готовься к войне». Но также понятно и то, что милитаризация оказывает все большее влияние на все другие сферы жизни общества.

Как мы уже писали, в информационно-психологическом плане все это начинает выглядеть как своего рода «военно-промышленная лихорадка». Один за другим в ЕС принимаются программные документы, которые призваны заложить долгосрочную и системную колею милитаризации. Из наиболее примечательного в этом году – план по перевооружению Европейского союза (ReArm Europe Plan) и рабочий документ по европейской оборонной готовности к 2030 году (Joint White Paper for European Defence Readiness 2030). В развитие этих задумок в октябре была подготовлена и соответствующая дорожная (Readiness Roadmap 2030).

Аналогичные процессы набирают ход и во многих странах ЕС. Как мы также уже обращали внимание, самые впечатляющие и потенциально несущие очень серьезные последствия для всей Европы разворачиваются в Германии.

> При этом Европейский союз – это лишь один яркий пример глобальной милитаризации на марше.

Но тенденции того же порядка легко обнаруживаются почти повсеместно в мире. Та же Россия в текущем году должна потратить на оборонные статьи минимум 7,2% ВВП. Разумеется, такие высокие цифры обусловлены войной с Украиной, и, вероятно, будут снижаться после ее окончания. Однако пока констатируем имеющуюся данность. Конгресс США приближается к принятию рекордного военного бюджета: администрация Дональда Трампа еще в мае запросила более 1 трлн долл. на 2026 год. И перечисление можно продолжать еще долго.

Конечно, нередко обнаруживается большая пропасть между планами, программами и даже выделенными бюджетами, с одной стороны, и результатами их исполнения – с другой. Такие проблемы можно наблюдать во многих странах. Где-то не хватает производственных мощностей, чтобы вовремя выполнить даже уже оплаченные заказы. Где-то, как в ЕС, ситуация осложняется противоречиями между наднациональными импульсами со стороны Еврокомиссии и национальными интересами государств-членов. А где-то грандиозные планы разбиваются о коррупционную реальность. Но все это не помешает новым рекордам глобальной милитаризации: и в плане доходов компаний-производителей, и в плане стремительно растущих военных расходов национальных правительств.

Замкнутый круг милитаризации

Маховик глобальной милитаризации раскручивают сразу несколько факторов.

Во-первых, повторимся, это во многом объективный процесс в условиях трансформации системы международных отношений, которая сопряжена с растущим количеством и масштабом военных конфликтов. *Во-вторых*, на этом фоне в большинстве стран происходят глубочайшие изменения в восприятии угроз национальной безопасности. Как на уровне политико-формирующих кругов, так и в целом в обществе. Элиты и общества постепенно свыкаются с мыслью, что теперь на оборону нужно тратить все больше средств, даже если это означает потери для социальной сферы.

В-третьих, военная промышленность в таких условиях выглядит все более многообещающей «точкой экономического роста». Это классика жанра: за счет масштабных вложений в военно-промышленный комплекс можно не только

повысить обороноспособность страны, но и значительно улучшить ее экономические показатели. По крайней мере, в перспективе нескольких лет.

Тем более, что, *в-четвертых*, эту тему настойчиво продвигает мощное военно-промышленное лобби. Иногда отсылки к нему выглядят конспирологическими теориями заговора, но его способности убеждать представителей власти и влиять на политические решения мало где остаются незаметными.

Наконец, *в-пятых*, на фоне перечисленных факторов в общественном дискурсе цементируются соответствующие нарративы и понимание нормальности. А они задают рамки ожидаемого и возможного для политиков. Тема постоянного повышения военной готовности и, соответственно, развития военно-промышленного комплекса, становится политически очень выигрышной и легко продаваемой.

> То есть получается такой самоусиливающийся механизм замкнутого круга милитаризации: политики укореняют в обществе предпосылки для милитаризации, а затем общество, по сути, требует от этих же политиков еще большей милитаризации.

Этот замкнутый круг много раз в истории вел народы и государства прямой дорогой к трагедиям войны. Можно, конечно, надеяться, что в современном мире ядерное оружие сдержит такое развитие событий между крупнейшими державами. Но это, к сожалению, в принципе не отменяет разрушительных войн, которые в условиях зашкаливающей милитаризации лишь множатся. Да и ядерное оружие, как показал опыт Холодной войны, не является панацеей от серьезнейших кризисов. Даже наоборот: оно их в какой-то степени может и стимулировать по принципу «эскалировать, чтобы деэскалировать».

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»